

ВЫСТАВКА “ПАРАД НАРОДОВ”: ВЕЩЬ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Экспозиционная и выставочная деятельность Этнографического музея является, с одной стороны, экспликацией его сложной внутренней, полной противоречий жизни, а с другой – тем языком, на котором он говорит с окружающим миром. При этом демонстрируемые в экспозиционных залах вещи не просто выступают в роли средства, инструмента общения музея с посетителем, но повествуют о тех или иных сторонах человеческой деятельности.

В Этнографическом музее вещь говорит не просто о человеке, а в первую очередь об этносе. Эта же мысль, но с иными акцентами, звучит в “Программе для собирания этнографических вещей” 1902 г., в которой, в частности, говорится, что “в этнографическом музее на первом плане стоит человек, народ, создавший тот или иной предмет”¹. Итак, этнографические выставки и экспозиции, сжимая время (когда рассказывают о прошлом) и сокращая пространство (когда посвящены “экзотическим” традициям), повествуют о народах и их культуре.

Именно эту цель преследует открывшаяся 26 мая 2003 г. в Российском Этнографическом музее выставка “Парад народов”². Это первый крупный долговременный проект Музея, предлагающий в рамках единого экспозиционного пространства кросскультурное обозрение этносов, которые проживали на территории России в начале XX в. и участвовали в формировании особого евразийского культурного феномена.

“Жанр” и характер выставки были во многом обусловлены внешними обстоятельствами, среди которых главное – поставленная Министерством культуры РФ задача представить, по возможности, культуры всех народов Российского государства конца XIX – начала XX в., что вынудило авторов при подготовке концепции отойти от контекстуального экспонирования и представить на выставке каждый народ наиболее яркими, репрезентативными экспонатами, отражающими специфику локальной традиции и составляющими ее золотой фонд. При этом авторы исходили из посылки, что хранящиеся в фондах РЭМ экспонаты или даже формируемые ими на экспозициях и выставках предметные тематические комплексы никогда адекватно не воспроизводили, да и не могут воспроизвести ту культуру, из пространства которой они были изъяты рукой собирателя. Они лишь только указывают на нее, являясь своего рода индексами той или иной области культуры этноса.

Причина “зазора” между экспонатом и репрезентируемой им культурой заключается в самой природе связи “вещь – культура”, которая выстраивается по принципу метонимии. Для музееведа, как, впрочем, и для посетителя Музея, этнографический предмет – это всегда часть реконструируемого целого – традиционной культуры. Выступая как часть вместо целого, вещь является своего рода свернутым текстом (или пространством), который в музейной экспозиции или на выставке разворачивается в повествование. При этом следует подчеркнуть, что семантическое поле вещи в качестве экспоната никогда полностью не совпадает с таковым в “естественной” среде, так как оно формируется здесь в результате вхождения вещи, обладающей первичными, природными свойствами, в ту или иную интерпретационную модель (знаковую систему).

В определенном смысле выдергивание вещи из “первичного” культурного контекста составляет специфическую черту Этнографического музея. В опубликованной еще в начале прошлого века заметке И. Смирнова “Несколько слов по вопросу об организации Этнографического Отдела Русского музея” приводятся красноречивые аналогии сбора этнографического материала с практикой комплектования коллекций в ботаническом музее: “в ботанический музей не переносят с лугов целые полосы дерна, а каждое из выбранных растений выделяется из той связи по соседству, в котором оно состояло с другими в природе, и ставится в новую связь по открытому человеком средству”, и далее: “Вещи должны быть распределены не в том порядке, в котором они поставлены ходом истории, а в ином, который вытекает из их внутренних отношений и указывается наукой”³.

При подготовке выставочного проекта “Парад народов” учитывалось существование, и даже актуализация в настоящее время этнических стереотипов и символов, характерной особенностью которых является их способность нести информацию о ключевых чертах этнической специфики культуры.

В ряде же случаев, наоборот, организаторы выставки стремились отказаться от следования стереотипным оценкам народа, предлагая увидеть другие стороны его культуры и менталитета. Так, народы Северного Кавказа представлены экспонатами, демонстрирующими их

Русские. Народный праздничный женский костюм. Российский Этнографический музей

гостеприимство и дружелюбие, а не воинственность и непримиримость, а для презентации культуры чукчей выбраны уникальные, сделанные из костей морских животных доспехи мужчины-воина, знакомящие посетителя с малоизвестными для неспециалиста традициями обитателей Северо-Восточной Азии. Видное место на выставке занимает показ произведений народного искусства, а также традиционного костюма как максимально емкой этнической марки.

Принципы экспонирования отличаются от существующих в пространстве Музея экспозиций большей условностью и образностью демонстрации, иными словами, выставка выполнена в жанре “этнографических этюдов”. Через предметный и иллюстративный ряд на выставке представлены 114 этносов России XIX–XX вв. – времени, когда, с одной стороны, складывались тесные экономические и культурные связи между народами, а с другой – проявилась тенденция к пробуждению национального самосознания.

Разумеется, авторы отдавали себе отчет в том, что отбор этот носит субъективный характер, так как в определенном смысле мы репрезентируем не столько этнографические реалии, сколько наши постоянно меняющиеся представления о них. Иными словами, вещи в роли экспонатов никогда не бывают свободными от тех концепций, которых придерживается этнограф. Само содержание коллекций зависело во многом от наличия тех научных парадигм, которым следовали те или иные собиратели. В этой связи сошлемся на статью О.В. Лысенко и Н.Н. Прокопьевой “Коллекция и собиратель: этнографическая реальность и ее интерпретация”, где при проведении “синхронного” сопоставления коллекций начала XX в. сделаны ценные выводы о влиянии на характер сбора материала научных пристрастий известных этнографов-собираателей Ф. Волкова, Н. Могилянского и А. Сержпутовского⁴.

Основные экспозиционные комплексы выставки организованы по географическому принципу. Выделены этнокультурные ареалы: Европейский, Сибирский, Среднеазиатский и Кав-

Мордва и мариццы. Традиционные женские костюмы. Российский Этнографический музей

казский. Такая структура позволила не только представить каждый народ в его культурном своеобразии, но и показать черты, общие для нескольких этносов, появление которых было обусловлено проживанием в сходных природно-климатических условиях, долгим соседством и общностью исторических судеб.

Европейскую Россию, отличающуюся сложной этнокультурной картиной, представляют праздничные комплексы экспонатов – костюмы, утварь, украшения, иллюстрирующие самобытность культур славянских, балтских, финноугорских, тюркских, романских, германских народов. В частности, русский народ представлен атрибутами свадебного обряда, который является наиболее последовательным воплощением символического языка культуры, реализацией как “материальных” потребностей, так и духовных устремлений этноса.

Сибирский регион показан сквозь призму диалога “человек – природа”, предполагающего взгляд на культуру как механизм адаптации этноса к экстремальным природным условиям. Демонстрируемые здесь лучшие образцы оленеводческих, коневодческих, охотничьих хозяйственных комплексов позволяют по достоинству оценить вклад, внесенный народами Сибири в общий “фонд” мировой культуры. Так, якуты – самые северные в мире коневоды – представлены комплексом предметов, используемых во время весеннего праздника Ысыах, посвященного богине плодородия и богу-творцу вселенной. Демонстрируемые здесь орнаментированные коновязи, украшенные резьбой сосуды для питья кумыса (чороны), женский праздничный костюм и другие экспонаты свидетельствуют о самобытности культуры якутского этноса и богатстве его духовного мира.

Мир Средней Азии и Казахстана раскрывается через показ двух типов цивилизации: оседлой и кочевой. Оседлая культура (таджики, узбеки, среднеазиатские евреи) представлена ат-

Туркмены. Праздничный женский костюм. Российский Этнографический музей

рибутами и символами властителя: костюмом бухарского эмира (золотошвейный халат, чалма, сапоги, пояс с драгоценными камнями), парадным конским убранством, украшениями, шелковыми тканями, медной утварью, предметами культа среднеазиатских евреев, женскими костюмами и т.д. О мире кочевников (киргизы, казахи, туркмены, каракалпаки, кочевые узбеки) рассказывают разнообразная дорожная утварь (войлочные чемоданы, фуляры и другие емкости для хранения и перевозки вещей, кожаная и деревянная утварь), предметы интерьера юрты, комплекс женских серебряных украшений, праздничные костюмы.

Самобытность Кавказа раскрыта через презентацию одной из самых ярких граней культуры – этикетных форм общения, пронизывающих все стороны жизни человека. Представленные предметы утвари являются необходимыми атрибутами традиционного застолья: оправленные в серебро рога, фигурные керамические сосуды в виде животных и птиц, серебряные кубки, кувшины, тарелки, ножи, скатерти. Другую, не менее знаковую тему эксплицирует знаменитое кавказское оружие, являющееся неотъемлемой частью “мужской” культуры народов Кавказа.

Объединяет все композиционные блоки тема музыкальных инструментов и музыки – универсального языка межкультурного общения. Иллюстративный материал вносит дополнительные краски в восприятие российской этнографической действительности XIX в. и в то же время позволяет судить о взглядах современников на еще живые в то время традиции многочисленных этносов России. Типы и костюмы, сцены народной жизни, бытовой обстановки, обрядовой практики воспроизведены на основании подлинных фотографий и рисунков с натуры по коллекциям музеев.

Одними из самых ранних являются акварели С.П. Павлова, который в середине XIX в. создал серию “этнографических этюдов” – зарисовок с натуры крестьян Воронежской и Там-

бовской губерний. Художник очень точно передавал покрой и цветовую гамму одежды, некоторые рисунки дают представление о видах и способах ношения женских и девичьих головных уборов. В 1867 г. С.П. Павлов на Первой Этнографической выставке в Москве, в Дашковском музее, получил за свои акварели серебряную медаль. В 1924 г. для экспозиций Музея народов СССР в Москве В. Костяничин по рисункам Павлова выполнил ряд работ, которые продолжили серию этнографических типов поволжских народов.

К числу наиболее интересных в этнографическом отношении принадлежат акварели В.А. Плотникова, специализировавшегося в области профессионального рисунка. В начале XX в., когда этот художник активно сотрудничал с этнографическим отделом Русского Музея, им были созданы великолепные акварели по саамской, коми-пермяцкой, карельской и русской культурам, часть из которых представлена на выставке.

К 70–80-м годам XIX в. относятся зарисовки художника И. Вележева, в которых точно переданы сцены городской и домашней жизни, а также портреты представителей среднеазиатских народов.

На выставке впервые экспонируются этнографические гравюры российского географа и натуралиста Р.К. Маака – участника экспедиции, организованной в 1855–1856 гг. Сибирским отделом Императорского Русского географического общества на Дальний Восток. Материалы этой экспедиции легли в основу вышедшей в 1859 г. книги Р.К. Маака “Путешествие на Амур” и богато иллюстрированного атласа с картами и множеством рисунков, изображающих представителей туземных народов, их жилище, одежду и традиционные занятия.

Ценным источником для изучения кавказского мира является альбом хромолитографии и фототипии с работ немецкого живописца и рисовальщика Теодора Горшельта “Кавказские походные рисунки (1858–1863 гг.)”, изданный в 1896 г. Художник, проживший около пять лет на Кавказе, воспроизвел с безупречной точностью многочисленные этнографические реалии жизни кавказских народов – типы, костюмы, сцены традиционной жизни. Сюжеты рисунков были обусловлены исторической ситуацией того времени – военными действиями русской армии на Кавказе, поэтому не удивительно преобладание среди работ художника образов мужчин-воинов.

Объединяет галерею народных образов художественно-этнографический альбом “Народы России” под редакцией Н.А. Янчука, который состоит из 24 цветных литографических таблиц и включает изображения 40 народов, населявших Россию. Типы и костюмы, сцены народной жизни, бытовой обстановки, обрядовой практики воспроизведены на основании подлинных фотографий и рисунков с натуры по коллекциям музеев. Некоторые из них являются своего рода репликами представленных на выставке экспонатов, когда-то демонстрировавшихся на “Этнографической выставке” 1867 г. в Москве.

Оживляет экспозиционное пространство выставки демонстрация в режиме “нон-стоп” с помощью РС-проектора на противоположной от входа стене зала слайд-фильма, созданного на материале уникальных коллекций этнографических фотографий конца XIX – начала XX в., сопровождаемого специально подобранной этнической музыкой. Фильм смонтирован из 200 черно-белых фотографий, которые запечатлели представителей различных этносов, проживавших в различных уголках Российского государства.

Выставка “Парад народов” является своего рода результатом и одновременно презентацией выставочной деятельности РЭМ за последние десяти лет, так как включает в себя тематические разделы, уже апробированные в других проектах. В этом смысле она предстает перед зрителями как “метавыставка”, рождение которой инициировано высказанной К. Леви-Строном мыслью, что “никакая часть человечества не может понять себя иначе как через понимание других народов”.

Примечания

¹ Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1902. С. 6.

² Авторы выставки: Д.А. Баранов, Л.В. Попова, Н.Н. Прокопьева, Л.В. Королькова, Л.М. Лойко, В.В. Нестерова, Л.А. Слестникова, К.Ю. Соловьева, С.В. Романова, И.И. Шангина. Художник – Ю.Я. Коноплев.

³ *Смирнов И.* Несколько слов по вопросу об организации Этнографического Отдела Русского музея // Изв. Императорской Академии Наук. Т. 15. СПб., 1901. № 2. С. 229.

⁴ *Лысенко О.Л., Прокопьева Н.Н.* Коллекция и собиратель: этнографическая реальность и ее интерпретация // Живая старина. 1998. № 2. С. 17–21.